

**Отзыв официального оппонента
кандидата философских наук Бердина Азата Тагировича
на диссертационную работу Белякова Николая Станиславовича
на тему «Социокультурные детерминанты разумной веры
в современном российском обществе»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата философских наук по научной специальности
5.7.7. Социальная и политическая философия.**

Представленное к защите диссертационное исследование обладает несомненной актуальностью, как с точки зрения социальной и политической философии как науки, поскольку представляет собой попытку социально-философского анализа понятий, которые являются базовыми для самого акта социально-философского и социокультурного анализа мира – а именно в таком ракурсе автор описывает предмет своего исследования «разумную веру», так и с позиции социальной практики – что очевидно обусловлено самим состоянием современного общества, вошедшего в состояние так называемого «религиозного ренессанса» и когнитивного информационного перехода, с явной ревизией всех способов восприятия знания, представлявшихся незыблемыми в индустриальном обществе. Автор, однако, подробно, в четыре тезиса, аргументирует актуальность исследования в присущем ему аналитическом стиле, что настраивает читателя на положительное отношение к работе. В понимании диссертанта «Вера представляет собой ключевую культурно-историческую и ценностную универсалию, присущую человеку». «Разумная вера» рассматривается не как аналог деизма по Гегелю, а широко, как «элемент самоорганизации общества и способа фиксации социокультурных детерминант в сознании человека». выступает диалектика. Хотя в методологии влияние гегелианства с максимумом о разумности всего действительного и действительности разумного можно усмотреть, по крайней мере, в методологических декларациях: «Автор исходит из мысли, что общественное согласие не может быть противопоставлено разуму, а сопряжено с разумной верой, которая выражает ценностную природу социального знания».

Кроме этого, автором вполне обоснованно используются «элементы системного и структурно-функционального подходов, а также синергетика, рассмотренная в контексте способности общества к саморазвитию». Содержание работы представлено в двух главах, в каждой по три параграфа с выводами к ним, во введении дана основная характеристика исследования, в заключении сделаны общие выводы и намечены дальнейшие пути исследования.

Во введении в соответствии с классической традицией дано тезисное аналитическое обоснование актуальности исследования, логично увязанная с новизной и положениями, выносимыми на защиту, подробно отражена степень разработанности темы, четко сформулированы объект и предмет, цели и задачи исследования, обоснованы теоретическая и практическая значимости исследования, указаны методологическая основа (диалектика с элементами системного подхода и синергетики), научная новизна работы и основные положения, выносимые на защиту, указываются формы апробации результатов.

В первой главе «Теоретические аспекты рассмотрения разумной веры» решается задача анализа веры как культурно-исторической и ценностной универсалии. Автор вполне логично выстраивает иерархию аналитических задач: сначала анализирует понятие собственно «веры», чтобы перейти к основному сюжету своей диссертации – анализу «разумной веры», ее определению, функциям и особенностям. Далее, в соответствии с названием темы, выявляются социокультурные и духовные детерминанты разумной веры.

В параграфе 1.1. «Вера как культурно-историческая и ценностная универсалия: соотношение понятий» отмечается, что вера неизменно сопутствует человеку на протяжении всей истории, и как универсалия, сводится диссертантом к следующим основным аспектам.

Во-первых, обеспечивает переход от иррационального к рациональному знанию. Во-вторых, вследствие этого открывает субъективное ценностное

отношение к конкретному объекту, явлению или процессу. В-третьих, знание, порожденное верой, будет оставаться истинным в сознании субъекта до тех пор, пока вера в него не иссякнет. В-четвертых, уверенность, убежденность, подкрепленная верой, часто бывает сильнее, чем, например, чисто рациональная.

Общий потенциал веры выражается диссертантом в ее способствовании принятию или отторжению субъектом некой информации или объектов окружающей человека действительности. В случае принятия чего-либо при содействии веры в рамках социальной практики формируется устойчивая связь с такими понятиями как доверие, признание, убеждение.

В следующем параграфе 1.2 Особенности репрезентации российским обществом понятий веры и разумной веры внимание сосредоточивается на выявлении ключевых особенностей репрезентации понятий веры и разумной веры российским обществом, а также формулируются две ключевые функции разумной веры: операциональной и аксиологической. Внимание привлекает анализ доверия как оправданное расширение понятия разумной веры. Ожидаемо, что такой анализ обращается к концепции веры-доверия и веры-достоверности С.Л. Франка.

По определению диссертанта, аксиологическая функция разумной веры способствует принятию определенного общественного идеала как наиболее верного пути нахождения истины. Операциональная функция разумной веры связана с выбором тех или иных моделей поведения, формированием личностных идеалов.

В параграфе 1.3. «Социокультурные детерминанты разумной веры» посвящен специфике социокультурных детерминант разумной веры, присущих именно отечественному социальному субъекту. Механизм их функционирования, вкратце, описывается автором следующим образом: «Разумная вера, понимаемая как личностное усмотрение истины, вызванное согласием разума с самим собой, позволяет закреплять данные социальные установки в сознании, превращая их в специфические детерминанты

современной эпохи». (С.75). «К их числу можно отнести глобализацию, урбанизацию и индивидуализм». (С.77). Однако тема диссертации ограничена современным российским обществом, на материале которого и предлагается рассмотреть указанные социокультурные детерминанты и собственно философский феномен «разумной веры». Вполне логично, отдельным вопросом автором представляется разграничение «разумной» и «неразумной», а также религиозной и нерелигиозной веры. Предусмотрительно оговаривая, что разумная вера может являться составной частью в обоих случаях, то есть как религиозной, так и нерелигиозной веры.

В этом плане интересной была бы полемика с таким знатоком Гегеля XX века, как Иван Ильин, в частности, имеется в виду его философский памфлет против диалектического материализма «Власть дедукции», где он развивает мысли, фактически оппонентные изложенным диссертантом.

Некоторые замечания вызвала следующая ремарка диссертанта: «Коммунистическое единство не тождественно соборному. Вера в достижение первого вполне разумная, тогда как второе носит скорее пограничный характер. Общая идея перестает восприниматься интуитивно-религиозно; она утрачивает свой трансцендентный характер, переходя в область практического утилитаризма – коммунистической формации, которая в представлении ее идеологов обеспечивает максимальную производительность труда и преодолевает проблему социально-экономического отчуждения». Представляется, что изложение было бы сильнее, если проанализировать наблюдение Николая Лосского, по которому даже в теории диамата и истмата трансцендентное на самом деле присутствует, но приписывается Материи как таковой.

Однако далее следует пассаж вполне в духе того же Н.О. Лосского, который в целом актуален при рефлексии «величайшей геополитической катастрофы XX века» (В.В. Путин), произошедших с нашей страной. «Рационализм, при всех его достоинствах, гораздо более уязвим к конструктивной критике. Подпитывать рациональные конструкции верой

безусловно возможно, и более того – это необходимый шаг для фиксации аксиом. Однако поддерживать такую веру гораздо труднее, поскольку ее объект расположен в феноменальном мире, подвергается сомнению и непосредственному наблюдению. Вследствие этого, вера в коммунистическую утопию быстро, по меркам истории, была подточена фактами эмпирических наблюдений и жизненным опытом, фиксирующим проблемы, возникшие при приближении к данному идеалу», а «идеологическая пропаганда воспринималась со все более возрастающим скепсисом» (С.60). Эти рассуждения диссертанта интересно сопоставить с концепцией П.Б. Струве о творческом потенциале религиозной составляющей в социальных учениях: либерализме, социализме, коммунизме, утрата которой приводит к упадку данной парадигмы в социальной жизни, или «социальных религиях» Альфреда Вебера. Они в высокой степени комплиментарны нашим собственным исследованиям по отечественному либеральному консерватизму.

Представляется, что построения диссертанта получили бы больше обоснование при более глубоком обращении к концепции симфонической личности Карсавина и философии права Алексеева.

Есть и более частные замечания. В данном параграфе в одном из частных суждений автор констатирует «этнические конфликты и религиозные разногласия», которые, по его справедливой констатации «в значительной степени определяют политику постсоветских государств», объясняет «поиском национальной идентичности молодых стран и народов, не имеющих опыта государственности. Легче всего это сделать, прибегая к помощи архетипических оппозиций, на подсознательном уровне заложенных в человеке. В первую очередь речь здесь идет о бинарной оппозиции «мы – они». «Особо подчеркнем, что мы не говорим здесь о коммунистическом восприятии коллективизма, исток которого сокрыт в европейской рационалистической философии и для которого был характерен «культ разума» (С.108). Скорее, речь идет о трансцендентно сакральном ощущении,

ближе всего выражаемом концептом «соборности», понимаемом как единство во множественности» (С.72-73). В данном утверждении, как нам представляется, допущено некоторое упрощение механизма архаизации, кстати, напрямую связанного с феноменами и социокультурных детерминант и разумной веры. Поскольку указанная тенденция проявляется и в России (обладающей тысячелетием подобного «опыта» как государства), тем более – в Армении («как народ»), и вообще во всех постсоветских государствах, без эмпирически достоверной привязки к «опыту государственности», и, наоборот, наименее проявлена в Беларуси, такового опыта (именно как Беларусь, а не средневековое Великое Княжество Литовское) не имеющее.

Та же мысль повторяется в несколько ином контексте, связанном уже с коммуникационным аспектом исследования, в следующей, 2 Главе диссертации. Однако далее вновь следует достаточно меткая характеристика: «роль разумной веры в контексте взаимодействия культур, которую мы до этого упоминали как в основном позитивную, на практике может иметь и деструктивный характер. Например, если в обществе изначально стоит установка на сепарацию от других народов. Постсоветское пространство, к сожалению, столкнулось именно с данной проблемой социальной установки на обособление».

Весьма ценным наблюдением диссертанта представляется оптимистичная фиксация: «В данном контексте российскому мировосприятию удалось сохранить доминанту гармоничной системности в качестве одного из элементов, фиксирующих духовный мир современного индивида» (С.72). – разумеется, в сопоставлении со степени трансформации в этом направлении общества Запада, точнее, «золотого миллиарда» (включающего в «Запад» ряд стран Дальнего Востока: Японию, Южную Корею, Тайвань). Диссертант выявляет в качестве отечественной специфики исследуемого явления следующее: «Для отечественного социального субъекта характерно стремление к искреннему погружению во внутренний мир другого человека, сопереживание и вовлеченность». Можно заметить,

что одним из оснований подобного может быть коллективистская традиция, сохранявшаяся в отечественном сознании гораздо дольше, чем на Западе.

Во второй главе «Социокультурное пространство разумной веры в контексте социального взаимодействия» рассматривается разумная вера как неотъемлемый элемент конвенции и пространстве диалога культур. Глава посвящена функциям разумной веры в информационном пространстве, прежде всего постсоветского (для отечественного наблюдателя) периода. В результате анализа диссертант приходит к выводу, что способность общества к самоорганизации осуществляется при содействии разумной веры. В параграфах 2.1 «Разумная вера как элемент конвенции и диалога культур» и 2.2 «Роль разумной веры в эпоху информационного общества» диссертант приступает к рассмотрению конкретных (социопсихологических, технологических языковых) механизмов такой самоорганизации и коммуникации в контексте глобализационных и интеграционных процессов.

В параграфе 2.3 «Способность современного российского общества к самоорганизации в контексте разумной веры» диссертант анализирует разумную веру в качестве одной из основ коммуникации общества как открытую, динамичную и постоянно развивающуюся систему, основанную на взаимодействии социальных субъектов, введя в исследование еще одну категорию – социальное знание.

Ценной представляется фиксация кажущегося парадокса: «Разумная вера явно соотносится со знанием и осмысленным опытом индивида, что делает ее даже более зависимой от информационного пространства-времени, окружающего человека». Хотелось бы указать в помощь диссертанту, что этот тезис хорошо подтверждается проведенной на рубежах как XIX и XX, так и XX и XXI вв. рефлексией развития российской интеллигенции – слоя, казалось бы, наиболее информированного и обладающего изощренными разновидностями «разумной», «научной», «философской» и «религиозной» веры, и долженствующего охранять народ от манипуляции массовым сознанием, но тем не менее, сам оказавшийся наиболее подверженным

радикализму и манипуляциям, губительным для государства и разрушительно конфликтным для общества.

Автор отмечает, что естественно доминирующие вместе с трендами глобализации и урбанизации принципы индивидуализма и самодостаточности индивидуальности, в России «продолжают сочетаться с элементами коллективизма и традиционализма». возросшие из англо-американской традиции и «экспортирующиеся по всей Европе и остальному миру, вызывая искоренение того, что осталось от традиционных ценностей солидарности и общности» (С.109). При этом в отечественном социальном пространстве «данная тенденция продолжает сочетаться с элементами коллективизма и традиционализма. На первый взгляд они несовместимы». (С.74). Именно это сочетание диссертант считает спецификой отечественной социокультурной детерминанты разумной веры. Диссертант уделяет заслуженное внимание объяснению этой коллизии, причем не менее обоснованно, на наш взгляд «в корне не согласен с распространенным утверждением, якобы эти тренды «вызывают искоренение того, что осталось от традиционных ценностей солидарности и общности». Справедливо замечая в итоге: «Возникновение новых социокультурных детерминант – это непрекращающийся процесс». (С.74). Хотелось бы поддержать автора в данной мысли и эмпирической коннотации. Более того, сама история традиционализма в России, в частности, его «советского» извода, как на федеральном (С.Г. Кара Мурза), так и на местном, региональном уровне (РБ, «традиционалисты Башкортостана») подтверждает этот логически очевидный, на наш взгляд, тезис.

В целом, на наш взгляд, диссертант справился и с последней, поставленной им в своем исследовании задачей, и достаточно точно обозначил наиболее знаковые тренды, понимаемые им как «социокультурные детерминанты» в современном информационном пространстве России. В заключении диссертации обобщаются основные результаты и намечаются направления дальнейших исследований.

В целом, текст рукописи диссертации носит научный и логически завершённый характер, написан ясным и доступным языком, обращен прежде всего к современным отечественным материалам для изучения проблемы. Структура диссертационной вполне сбалансирована, она позволила диссертанту с достаточной убедительностью раскрыть проблемы разумной веры как социокультурной детерминанты современного российского общества.

Работа отличается предметностью и обоснованностью теоретических и практических положений и выводов, основанных на использовании современной методологии. Диссертант показал способность самостоятельно ставить и решать актуальные научные проблемы.

Из частных замечаний можно отметить достаточно вольное обращение автора с пунктуацией. Дискуссионные же моменты по содержательной части работы затронуты нами далее в форме вопросов и, надеемся, послужат дальнейшей дискуссии и развитию исследования, вполне успешно развернутого автором в рамках данной диссертации. В целом, положительно оценивая диссертационную работу Н.С. Белякова, считаем необходимым высказать ряд вопросов, замечаний и пожеланий:

1. Что такое социокультурные детерминанты? Если вера, в том числе разумная вера – текущий процесс, то имманентны ли ему эти детерминанты?
2. По каким критериям можно отделить «неразумную (слепую) веру» от разумной в случае с используемым автором определением религиозной веры? Ведь обращение к рациональным, умопостигаемым и умозрительным доводам является обязательной составной частью любой институционализованной, тем более – мировой религии (в частности, богословие и тафсир в христианстве и исламе)?
3. Относится ли утверждение автора о нетождестве коммунистического единства как социальной детерминанты к реальным социальным практикам советского общества? Отождествляет ли диссертант учения

диалектического и исторического материализма с распространенными в массовом сознании социальными детерминантами?

4. Частный вопрос. Диссертант констатирует: «этнические конфликты и религиозные разногласия в значительной степени определяют политику постсоветских государств, что обусловлено поиском национальной идентичности молодых стран и народов, не имеющих опыта государственности. Легче всего это сделать, прибегая к помощи архетипических оппозиций, на подсознательном уровне заложенных в человеке. В первую очередь речь здесь идет о бинарной оппозиции «мы – они». Нет ли в данном утверждении упрощения механизма архаизации, кстати, напрямую связанного с феноменами и социокультурных детерминант и разумной веры? Поскольку указанная тенденция проявляется и в России (обладающей тысячелетием подобного «опыта» как государства), и, например, – в Армении («как народ»), и, на самом деле, вообще во всех постсоветских государствах, без эмпирически достоверной привязки к «опыту государственности», и, наоборот, наименее проявлена в Беларуси, такового опыта (именно как Беларусь, а не средневековое Великое Княжество Литовское) не имеющее.

Представляется, что построения диссертанта получили бы больше обоснование при более глубоком обращении к концепции симфонической личности Карсавина и философии права Алексева и концепции соборной личности. Повторимся, рассуждения диссертанта мы бы рекомендовали также обогатить сопоставлением с концепцией П.Б. Струве о творческом потенциале религиозной составляющей в социальных учениях: либерализме, социализме, коммунизме, утрата которой приводит к упадку данной парадигмы в социальной жизни, или «социальных религиях» Альфреда Вебера. Они в высокой степени комплиментарны и нашим собственным исследованиям по отечественному либеральному консерватизму.

Отмеченные замечания и пожелания, как видим, нисколько не умаляют достоинств диссертации. В целом с уверенностью можно сказать, что работа

представляет собой полноценное, завершённое научное исследование, актуальность которого не вызывает сомнения. Главной заслугой диссертанта является то, что на основе проведенного анализа ему удалось разработать целый ряд концептуально-значимых, упомянутых выше, положений, способных внести определенный вклад в социальную и политическую философию. Содержание автореферата соответствует содержанию диссертации.

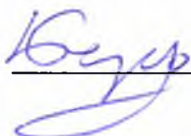
Диссертационная работа Беякова Николая Станиславовича «Социокультурные детерминанты разумной веры в современном российском обществе» соответствует требованиям п.9-14 действующего Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, соответственно, её автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия.

Кандидат философских наук
09.00.11 - Социальная философия,
ведущий научный сотрудник
Института стратегических исследований
Государственного бюджетного научного учреждения
«Академия наук
Республики Башкортостан»

 /Бердин Азат Тагирович

Почтовый адрес: 450007, г. Уфа, Октябрьской революции, д. 54 Б, к.2
Тел: +7 (965) 927-20-53; электронный адрес: azat_berdin@mail.ru

Согласен на обработку моих персональных данных, размещение персональных данных и моего отзыва на диссертацию на сайте ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» и в Федеральной информационной системе государственной научной аттестации (ФИС ГНА).

 /Азат Тагирович Бердин

«08» сентября 2025 г.

